

УДК 947.084

УСЛОВИЯ ТРУДА И БЫТА РАБОТНИКОВ ЛЕСНИЧЕСТВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1922-1928 гг.)

© 2019 Е.В. Воейков

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва. Пензенский филиал

Статья поступила в редакцию 25.08.2019

В статье исследуются условия труда и быта работников лесного хозяйства на примере лесничеств Пензенской, Самарской, Ульяновской губерний и Татарской АССР. Рассматриваются размер зарплаты, перегруженность бумажной отчетностью, проблема ежегодных отпусков, жилищные условия. Дан анализ покупательной способности зарплаты лесной стражи в 1925 г. Показано существенное ухудшение положения работников лесничеств по сравнению с дореволюционным периодом. Несмотря на уход со службы значительного количества работников лесного хозяйства оставшиеся продолжали честно выполнять свой долг, спасая и восстанавливая в 1920-е гг. леса Поволжья.

Ключевые слова: лесная стража, лесничества, зарплата, жилищные условия.

Современный исследователь истории лесов отмечает: «Леса и лесное хозяйство России в полной мере несут на себе отпечаток всей истории политического, социально-экономического и социокультурного развития государства»¹. С 1990-х гг. изучение истории лесного хозяйства как на общероссийском, так и на региональном материале резко активизировалось².

В данной статье исследован на основе преимущественно архивных материалов не изученный в отечественной историографии один из аспектов развития лесного хозяйства в годы новой экономической политики – условия труда и быта лесной стражи на примере Среднего Поволжья. Территориальные рамки статьи включают Пензенскую, Самарскую, Ульяновскую (до начала 1924 г. – Симбирскую) губернии и Татарскую АССР в границах середины 1920-х гг. Хронологическими рамками нэпа приняты 1921/22-1927/28 хозяйственные или «операционные» годы; отчетный период в народном хозяйстве страны был установлен с октября одного года по сентябрь следующего.

Положением о лесной страже 1869 г. было введено разделение на лесников и объездчиков, сохранявшееся и в первые десятилетия XX века.

В годы Гражданской войны зарплата служащих лесничеств существенно понизилась по сравнению с довоенной. В первые годы нэпа ситуация с улучшением материального положения работников лесного хозяйства не улучшилась. На страницах журнала «Лесовод» в 1920-е гг. регулярно публиковались материалы о низкой зарплате, плохих жилищных условиях и частых увольнениях работников лесничеств.

Серьезной проблемой для работников лесного хозяйства 1920-х гг. стал низкий размер заработной платы. В среднем по стране в 1923 г. зарплата лесника составляла 38-40% довоенной, основной оклад лесничего соответствовал 4,6% его довоенной зарплаты, и еще столько же он получал отчислений от хозяйственных разработок леса. Исследовавший данный вопрос автор статьи в журнале «Лесовод» саркастически отметил, что «зарплата лесника равняется двум бревнам», зарплата же лесничего «равняется 3-4 бревнам соответствующей длины и диаметра»³. В специальной статье, опубликованной в двух номерах журнала

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки».
E-mail: evgenijvovojkov@yandex.ru

«Лесовод» в 1925 г., был проделан подробный анализ условий труда и быта работников лесничеств. В отношении зарплаты заключение автора гласило: «Заработная плата работников леса чрезвычайно низка»⁴. Она складывалась из твердой ставки, выплачиваемой государством, и 10% отчислений от лесного дохода. По РСФСР в 1925 г. «при самом благоприятном положении – своевременного и полного получения денег как из госбюджетного источника, так и из сумм 10% отчислений – заработок лесника равнялся бы 11 рублям, объездчика – 16 руб. и лесничего – 38 руб.»⁵. В Татарской АССР ситуация складывалась чуть лучше: лесник получал 13 рублей, объездчик – 16 руб., лесничий – 39 руб. В Ульяновской губернии летом 1925 г. зарплата лесников достигла 19,8 руб. (в 1924 г. была от 7 до 9 руб.), объездчиков – 27,9 руб., лесничих – от 80 до 100 руб.⁶

Розничные цены по городам Ульяновской губернии в 1925/26 г. составляли: фунт (400 граммов) печеного хлеба – от четырех до пяти копеек, фунт масла сливочного – от 63 до 75 копеек, десяток яиц – от 35 до 46 копеек, фунт говядины свежей – от 19 до 29 копеек, фунт судака и осетра свежих – от 20 до 38 копеек и от 37 до 56 копеек, фунт чая – от 2,8 до 3,8 руб., пуд картофеля – от 34 до 90 копеек, корова – от 78 до 93 рублей, лошадь – от 171 до 227 рублей, пара сапог – от 13,8 до 19 рублей, топор – от 1,36 до 2,33 рубля, пачка спичек – 15 копеек⁷.

Как видно из приведенных цен, питаться работник лесной стражи на свою зарплату мог, но без особых излишеств. Два фунта хлеба в день по 10 копеек обошлись бы в месяц в 3 рубля. 10 фунтов (4 кг) говядины в месяц добавляли еще порядка 2-2,5 рубля. Также на масло, картофель, другие продукты могло уйти 1,5-2,5 рубля. При наличии своего огорода и подсобного хозяйства, чтобы не покупать на рынке овощи (морковь, капусту, огурцы и т.д.), лесник и объездчик Ульяновской губернии в 1925 г. могли уложиться своими расходами на продовольствие в сумму 7-8 рублей, что составляло у лесника с месячной зарплатой в 19 рублей

от 36,8% до 42% месячного заработка, у объездчика с зарплатой 27 рублей – от 25,9% до 29,6%. Судя по ценам роскошью для лесной стражи было регулярное употребление чая. Рыбу лесная стража на рынке не покупала из-за дороговизны (дешевле было купить мясо); вероятно, ловили сами или приобретали по более низким ценам (меняли) у знакомых. Аналогичным образом мог решаться вопрос с относительно недешевыми куриными яйцами – или самим держать несколько кур, или покупать ниже рыночной цены у знакомых в деревне.

Но уже промтовары для лесной стражи становились предметами роскоши. За новые сапоги леснику Ульяновской губернии пришлось бы выложить всю месячную зарплату. Поэтому, например, в Татарской АССР, по сведениям секретаря рабочкома Яковлевского лесничества Бугульминского кантона, вопрос с обувью лесниками решался следующим образом: «Обход – 100 десятин. Сапогов хватает на месяц. Они стоят 20 рублей. Поэтому многие лесники летом ходят босиком»⁸.

Даже покупка топора за 2 рубля пробивала в бюджете работника лесной стражи серьезную брешь порядка 10,5% зарплаты лесника и 7,4% зарплаты объездчика. Так что покупать одежду и обувь по мере необходимости могли позволить себе начиная с 1925 г. только лесники со своей 100-рублевой зарплатой.

Сложные чувства вызывает газетная заметка, опубликованная в ульяновской газете: «В Сосновском лесничестве общее собрание служащих постановило купить одну пару нательного белья лучшему из лесников Сайфулле Фетхетдинову. Он не имел и равной смены по выходе из бани. Фетхетдинов служит лесам 30 лет (с 13 лет в лесах)»⁹. В другой заметке сообщалось, что лесники Юрловского и Жадовского лесничеств «совершенно оборвались и обнищали». Заканчивалась заметка фразой, что если встретится в лесу работник лесной стражи – вы его не узнаете, поскольку «грязный, оборванный, и вы его примете за бродягу»¹⁰. Данные заметки отражают ситуацию 1924

г. В 1925 г. зарплату работникам лесничеств Ульяновской губернии, как указывалось выше, подняли примерно в два раза. Так что можно предположить, что в 1925 г. купить себе кое-что из одежды лесная стража все-таки смогла.

В годовом отчете о деятельности лесного отдела Самарского губернского земельного управления за 1923/24 г. отмечалось: «Материальное обеспечение (зарплата) лесничих и прочих сотрудников лесничеств, на руках которых находятся громадной ценности государственное имущество, источник непрерывных доходов, настолько мизерно, что служащие и их семьи или должны владеть полуголодное существование, или искать заработков на стороне с прямым ущербом для непосредственно порученного им дела... Недоброжелательное отношение местного населения к лесным работникам, особенно к лесной страже, доходившее до убийств, поджогов, порчи лошадей и пр., создавало еще более трудные условия жизни и работы в лесничествах»¹¹.

В годы нэпа на работников лесничеств обрушилась еще одна беда. Лесничие и их помощники буквально «утонули» в бумажной отчетности. Журнал «Лесовод» опубликовал в 1925 г. юмористический рассказ о перегруженности работой. Рассказ посвящен описанию ночи в конторе лесничества. Вначале дается пояснение: «С 8 утра до 5 дня производили отпуска, выслушивали бесконечные жалобы, а теперь заканчивают «почту». Затем в рассказе идет описание ночного заполнения отчетности. После заполнения одной особо трудоемкой ведомости, вскрыв пакет с почтой, руководитель лесничества и его заместитель обнаруживают, что только что сделанная ими форма отчета отменяется и вводится новая. В полученных циркулярах также дается указание срочно выяснить урожайность шишек, сгруппировав данные в таблицы по нескольким видам леса и классам возраста, причем «для проб вам надлежит взять не менее 100 деревьев для каждой категории». Рассказ заканчивается тем, что лесничий

поднимает своих детей и вместо школы сажает их помогать делать отчетность¹².

Юмористический рассказ был основан на реалиях действительности. В эпиграфе к другому юмористическому рассказу приводились письма в редакцию журнала. Вот, например: «Проездом через Н. я задержался, по приглашению П.М. на съезде лесничих, что дало мне возможность познакомиться как с вопросами, бывшими на обсуждении, так и с обсуждавшими их лицами. Я вынес впечатление, что все лесничие утонули в чернильницах» (Из письма поступающего на службу молодого лесовода)». Боль души человека, судя по тексту действительно любящего лес, заметна в другом письме: «Работать приходится много, но удовлетворения как-то не находишь, так как все сводится к бумагам и циркулярам, а лес где-то позади! Жаль идеалов, тех идеалов, которыми вы так настойчиво пропитываете нас...» (Из письма лесничего, окончившего лесной техникум в 1923 году по призванию)¹³.

В более конкретной цифровой форме рабочий день лесничего был скалькулирован в статье, опубликованной в 1926 г. в журнале «Лесовод». По закону рабочий день лесничего составлял 6,5 часов. В реальности ситуация выглядела примерно следующим образом: прием посетителей, разговоры по телефону – 2,5 часа, прием объездчиков и лесников – 1 час, разбор почты и составление отчетности, справок и т.д. – 3 часа, прием денежных сумм в кассу лесничества, отправка денег в финорганы – 1 час, участие в различных совещаниях – 2 часа, проверка работ по лесничеству, инструктирование лесной стражи – 2,5 часа; итого 12 часов. При этом автор отмечал: «Так называемых «дней отдыха» в лесничестве, как правило, не существует; лесничий их, правда, ждет с большим нетерпением, но лишь для того, чтобы в этот день засесть с утра в канцелярии и, не открывая официальных занятий и не принимая посетителей, взяться за разгрузку папки с надписью «к исполнению». Но и в дни отдыха приходится зачастую производить прием крестьян по

делам. Нельзя отказать в приеме крестьянину, приехавшему за 25-40 верст, да еще в горячее крестьянское время. Лесороботник всегда помнит, что лесничество создано для населения, а не наоборот»¹⁴.

На съезде лесничих, проходившем с 17 по 23 августа 1925 г. в Казани, «работники с мест в один голос указывали на слишком большую загруженность лесничих работами, не имеющими прямого отношения к лесоводству»¹⁵.

В отчете по обследованию Примокшанского лесного массива (Краснослободский и Беднодемьяновский уезды) Пензенской губернии 1927 г. приводилось сопоставление условий работы лесничего в дореволюционный период и в 1920-е гг.: «Размер работы в лесничествах между тем значительно возрос. До революции отпуск леса производился почти исключительно деланками путем продажи с торгов, в настоящее время значительное распределение имеет мелочный подеревный отпуск, кроме того, большинство лесничих ведет хозяйственную разработку леса; участились хищения леса, отношения со стражей затруднились: до революции в лесничествах была телефонная связь, теперь она не существует, помимо общего руководства работой лесничества, лесничий должен вести общественную работу: распространение лесоводственных знаний среди стражи и отчасти населения, делать периодические доклады в УЗУ (уездных земельных управлениях. – Е.В.), ВИКах (волостных исполнительных комитетах – Е.В.) и сельсоветах, таким образом, лесничий в настоящее время более обременен работой, чем в довоенное время»¹⁶.

На пленуме профсоюза работников земли и леса в 1926 г. в резолюциях по вопросам быта и условий труда лесных работников было записано (пункт 13): «Большую часть рабочего дня лесовода в лесничествах занимает канцелярская работа, развитая до невозможных размеров, в виду несовершенной постановки учета и отчетности в лесничествах, постоянного затребования самых разнообразных отчетов, справок, сведений...

и в виду недостаточного штата канцелярских работников и недостаточной их квалификации. Отдельные попытки реформы делопроизводства в лесничествах еще не дали вполне благоприятного результата»¹⁷.

Как и для лесной стражи, отпуск для лесничего и помощника превращался обычно в фикцию. Автор статьи о бюджете рабочего времени лесничего писал: «Трудовой двухнедельный отпуск для лесничего и помощника зачастую совершенно невозможен. Прежде всего, если лесничему вздумается идти в отпуск и куда-либо уехать, то придется терять дня 2 на сдачу-приемку дел и 4-5 дней на дорогу, так как канцелярии лесничеств большей частью находятся вдалеке от городов и культурных центров. И проводит он свой отпуск тут же в лесничестве, а, видя завал работы у своего коллеги, несмотря на отпуск, принимает участие в работе. Таким образом, фактически двухнедельный отпуск в лесничестве не существует по причине его кратковременности»¹⁸.

В отчете о деятельности Пензенского губернского отдела профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих приводилась информация, что в 1925/26 г. «отпусками лесороботники... во многих лесничествах не пользовались по причинам невозможности передать на 2 недели обход другому леснику и невозможности последнему справиться с охраной двух обходов»¹⁹. В докладе инспекции труда по Мордовскому округу Средне-Волжской области за 1928/29 г. отмечалось: «Отпусками лесная стража в нормальных условиях не пользуется, так как уходившие в отпуск впоследствии нагружаются соседним обходом. Необходимо отметить, что лесная стража весьма перегружена работой по хозлесразработкам, что конечно отражается на охране лесов»²⁰.

Перегруженность лесничих «канцелярщиной» в 1920-е гг. накладывалась на сохранявшуюся суровую специфику условий труда лиц данной профессии. «Но и для лесничего и помощника, загруженных канцелярщиной, приходят моменты, когда приходится в ущерб работе канцелярии бывать

хотя бы ненадолго в лесу для производства самых неотложных дел, как, например, нарезка делянок, поверка обходов, тушение пожаров и пр. Здесь не приходится считаться ни с погодой, ни со временем: надо скорее идти, надо немедленно сделать. Дождь, буря, мороз, снег – ничто не может удержать лесничего с помощником. Приходится уходить в лес дней на 8-12 и более, несмотря ни на какую погоду. Идет дождь – лесничий работает, стоит мороз – он также на своем посту. В лесах почти нет кордонов и, уходя в лес от жилья верст за 20-30, некуда бывает деваться во время дождя. Зимой не лучше. Вечером заберешься в наскоро сделанный шалаш или зимницу, просидишь ночь у костра, поглоташь дыму, а чуть забрезжит свет – снова на работу, увязая по колено в снегу и воде»²¹.

В резолюциях пленума профсоюза работников земли и леса 1926 г. приводились данные о заболеваниях работников лесничества: «На почве переутомления и работы в лесу во всякое время года состояние здоровья лесоводов неудовлетворительно. Обследование в Смоленской губернии в 1925 году дают цифры больных ревматизмом – 36,7%, нервных больных – 26,4% (наибольший процент среди всех категорий специалистов в губернии), с больными органами дыхания – 18%»²².

Неблагоустроенность и отсутствие в достаточном количестве жилья для работников лесничества негативно отражались на охране лесов. Дома лесной стражи еще в до-революционный период отличались многочисленными недостатками: «Дома эти в большинстве случаев неудобны, тесны... Современный дом лесника таков, что в нем нет места для ночлега постороннему человеку, нет угла для больного члена семьи – все ютятся в одной комнате – и взрослые, и дети и... даже зимой скот! Дом этот поставлен на деревянные стойки, крыт тесом, гонтом или дранью. И поэтому часто – либо снизу поддувает, либо сверху течет»²³. В годы Гражданской войны средства на ремонт и строительство новых домов для работников лесного ведомства не выделялись. Постепенно ветшали и приходили в негодность жилые и

хозяйственные постройки в лесничествах. Средств для их ремонта у местных гублесотделов не было. В докладе Шешминского лесничего Самарской губернии в июне 1919 г. отмечалось: «Казенные дома, в которых живут служащие, вследствие отсутствия в продолжении долгого времени ремонта местами становятся совершенно нежилыми. При объезде лесничества получается картина полного запустения и разрушения: два казенных дома уже покинуты стражей из-за невозможности в них жить... Ограды вокруг усадеб лесных служащих погнили, упали или растащены населением, а местами срублены. Неоднократные просьбы об отпуске денег на ремонт остаются без удовлетворения»²⁴.

В 1920-е гг. финансирование строительства в лесничествах осуществлялось в недостаточных размерах. В Самарской губернии до 1922 г. строительные работы производились только в лесничествах Бузулукского Бора²⁵. В докладной записке Мелекесского уисполкома в декабре 1923 г. сообщалось, что «стражнические дома не ремонтируются с 1914 года и многие из них представляют из себя... решето»²⁶. На первом съезде лесников Пензенской губернии в мае 1923 г. указывалось, что «все казенные постройки со времени революции пришли в значительную ветхость и требуют... капитального ремонта»²⁷. Похожая ситуация наблюдалась в том же 1923 г. и в Симбирской губернии: «Войдите в любую лесную сторожку. Крыльцо провалилось – страшно ступить; крыша прогнила и обвалилась; стекла выбиты и заткнуты чем попало, наступает холодное время, а ветер со свистом гуляет в ветхих «покоях» сторожки. Таково жилище лесного работника, ибо в иных сторожках по 10 – 15 лет не было никакого ремонта... Дело не ограничивается одним жилищем. Колодцы пришли в такое ветхое состояние, что к ним страшно подойти, не рискуя провалиться и быть погребенными под обломками. Но еще хуже обстоит дело там, где колодцев нет. Приходится иногда возить воду бочкой за 2-3 версты. Я знаю такой кордон в Тимошкинском лесничестве, где лесник круглый

год вынужден довольствоваться «небесной водой», т.е. летом запасает дождевую воду, а зимой пользуется снеговой водой»²⁸.

В лесничествах Пензенской губернии работы по приведению в порядок жилищного фонда начались сразу же по окончании экономического кризиса Гражданской войны. На лесном съезде в январе 1923 г. приводились сведения, что в минувший год построено вновь и отремонтировано 164 постройки (48% задания)²⁹. Следует отметить, что в приведенных данных не указано, сколько именно из 164 построек было жилых помещений. Можно предположить, что строились и ремонтировались в первую очередь именно жилые дома. За вторую половину 1923 г. было построено 20 жилых зданий, произведен ремонт 95³⁰. На VII съезде профсоюза работников земли и леса Пензенской губернии приводились данные, что на 1 октября 1924 г. лесная стража была обеспечена жильем на 55%³¹. В отчете лесного отдела Пензенского округа Средне-Волжской области за 1927/28 г. указывалось, что в лесу проживало 65% лесных работников³².

В Татарской АССР в 1925 г. из общего количества 960 человек лесной стражи квартиры в пределах лесничеств имели только 427 человек, или 44,5%. Остальные снимали жилье на стороне, квартирные деньги не выдавались³³. В Самарской губернии в середине 1920-х гг. данный показатель равнялся 50%³⁴.

Всего по РСФСР в тот момент обеспечены жильем в лесу были только 32,1%. По отдельным регионам страны ситуация была значительно хуже, чем в Поволжье. Так, в Карельской АССР обеспеченность квартирами составляла 23,3%, в Белорусской ССР – 14,5%, в Грузинской ССР – 2%. В АССР немцев Поволжья все лесники жили вне леса в квартирах, оплачиваемых из собственных средств³⁵. К концу нэпа вопрос проживания лесной стражи в пределах лесных участков так и не был полностью решен.

В отчете по лесоэкономическому обследованию Примокшанского лесного массива Пензенской губернии 1927 г. приводилась сравни-

тельная характеристика ситуации с жилыми постройками в лесничествах в дореволюционный период и в 1920-е гг.: «Лесное ведомство и до революции было крайне скупо на затраты по лесному хозяйству; так ничтожные средства давались им на постройки и ремонт; однако здания в бывших казенных лесничествах находились обычно в удовлетворительном состоянии, что объясняется следующими обстоятельствами: стража здесь служила подолгу, она дорожила службой и при сравнительном благосостоянии поддерживала постройки, производя мелочный ремонт своими средствами. В настоящее время резко изменились условия жизни в лесу сравнительно с довоенным временем; тогда бандитские нападения на стражу с целью грабежа были неслыханным явлением; в настоящее время в данном массиве они наблюдались неоднократно; при таких условиях вообще трудно подобрать благонадежную стражу. Если присоединить сюда то обстоятельство, что оклад содержания стражи... фактически по покупательной способности составляет лишь около 70% довоенной, то станет ясно, что стража обычно не дорожит службой; состав ее имеет текучий характер. При таких условиях не только не может быть речи о поддержании построек стражей, но и старательное отношение ее к своим прямым обязанностям по охране леса возбуждает сомнения»³⁶.

В отчете о деятельности Пензенского губернского отдела профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих за период с 1 октября 1925 г. по 1 января 1927 г. в разделе «Быт лесных специалистов» подчеркивалось: «Работа без ограничения времени, крайняя напряженность сил, в особенности, в лесничествах и лесоразработках. Квартирные условия не везде удовлетворительны. В редких случаях специалист имеет возможность заниматься самообразованием ввиду недостаточности времени и оторванности от культурных центров»³⁷.

К прочим «прелестям» условий труда и быта работников лесничеств в годы нэпа следует отнести массовые случаи избиений, поджогов домов, убийств лесников и объ-

ездчиков представителями местного населения, занимающегося хищениями леса.

Сложные условия труда и быта в лесничествах в 1920-е гг. вызвали уход со службы значительного количества работников лесного хозяйства. На IV съезде лесных работников Татарской АССР в июне 1927 г. один из выступающих вспоминал ситуацию начала 1920-х гг.: «В управление лесами со всех концов Татреспублики поступали коллективные заявления лесной стражи, что при неуплате жалования в установленные сроки, они не будут работать»³⁸. Лесничий Бузулукского лесничества Самарской губернии писал в объяснительной записке по материалам ревизии: «Ввиду тяжелой и перегруженной охраны лесная стража не стала дорожить службой, честные и исполнительные лесники уходят со службы сами»³⁹. В докладе ГЛО Симбирской губернии от 19 июня 1923 г. отмечалось: «Большая часть лесоводов ушла в другие вновь народившиеся учреждения ничего общего с лесным хозяйством не имеющие. Оставшиеся терпели и продолжают терпеть всевозможные лишения... Но настал момент, когда и у этих последних вера потеряна, и руки опускаются»⁴⁰.

Начинавший свою службу в 1918 г. известный впоследствии лесовод И. Морозов написал в своей статье об основной части служащих лесничеств: «Эта масса была аполитична, но она отвергла саботаж; она не разделяла большевизма, но первая приняла революцию. Почему? Да потому, что революция принесла с собой то, о чем мечтали десятки поколений лесоводов – национализацию лесов, огосударствление лесной территории»⁴¹. В приведенном отрывке отражены надежды на наступление новой эпохи в стране, энтузиазм и романтика революционной эпохи. В экстремальной ситуации Гражданской войны условия труда и быта в лесничествах были не лучше, чем при нэпе. Но у людей сохранялась надежда, что все трудности кратковременны, что революция принесет новую счастливую жизнь и через год - два все наладится. При нэпе таких иллюзий у работников лесного хозяйства уже

не осталось. Они поняли, что государство их бросило и забыло, и даже у самых стойких, как выразились ульяновские работники ГЛО, «опустились руки».

Массовые чистки и увольнения по собственному желанию в значительной степени ухудшили качественный состав работников лесничеств. Именно в 1920-е гг. специалисты лесной охраны, ставшие профессионалами своего дела за счет многолетнего стажа работы на своих должностях в лесничествах, стали составлять в Поволжье незначительную долю в общей массе новичков, пришедших на незнакомую для них работу. По данным Самарского губернского лесного отдела, в октябре 1926 г. сотрудников лесной стражи со стажем работы до одного года насчитывалось 253 человека, или 29% общего количества, от 1 до 3 лет – 317 человек (37%), от 3 до 5 лет – 75 человек (9%), от 5 до 10 лет – 124 человека (14%), свыше 10 лет – 99 человек (11%)⁴². Таким образом, служащие самарских лесничеств, чей стаж работы не превышал трех лет, составляли 66% всех работников лесничеств.

Несмотря на тяжелейшие условия труда и быта значительное количество работников лесничеств Пензенской, Самарской, Ульяновской губерний и Татарской АССР в 1920-е гг. все-таки осталось на своих постах, продолжая ежедневно честно выполнять свои должностные обязанности и тянуть лямку непосильной, с точки зрения современного человека, ноши. Им на помощь пришли новые кадры лесоводов, начавшие работу в лесах уже после революции с надеждой построить новое лесное хозяйство страны для общего блага. Благодаря самоотверженному труду этих людей в 1920-е гг. удалось в значительной степени преодолеть негативные последствия для лесов Поволжья превышающих все прежние представления по своим масштабам сверхплановых заготовок, хищений леса и пожаров периода Гражданской войны. В определенной степени показателем их заслуг и успешности неблагодарного и пока практически не оцененного ни современниками, ни потомками (в силу почти

полного отсутствия информации) труда стал тот факт, что лесистость (отношение лесной площади к общей площади) современных Пензенской, Самарской, Ульяновской областей и Республики Татарстан осталась с незначительными колебаниями на уровне 1920-х - 1930-х гг. Для сравнения: только за вторую половину XIX века лесистость губерний Поволжья снизилась на величину в диапазоне от 5% до 18%⁴³.

Нестабильная экономика нэпа 1920-х гг. давно в прошлом. Но ситуация в лесном хозяйстве России продолжает оставаться неблагоприятной. «Изнурительные реформы лесной сферы экономики России, сопровождаемые принятием новых лесных кодексов, многочисленных реорганизаций и передачей ответственности и полномочий по управлению лесным хозяйством из одного министерства и ведомства в другое, в последние десятилетия не способствовали улучшению ситуации, а, напротив, заметно ее ухудшили. Так, принятый в декабре 2006 г. Лесной кодекс разрушил старую систему ведения лесного хозяйства, однако не предложил взамен новую... Малочисленный аппарат лесничих уже был не способен противостоять негативным тенденциям в лесном хозяйстве, больше занимаясь бюрократическими проблемами. Поэтому экономический ущерб от многочисленных лесных пожаров, увеличения объемов незаконной рубки древесины и вывозки ее за рубеж (как правило, в Китай) в виде кругляка многократно превысил сумму финансирования лесного хозяйства в прошлые годы, которое было самодостаточным, а стало потребителем бюджетных средств»⁴⁴.

Хочется верить, что исторический опыт эксплуатации лесов в первые десятилетия Советской власти найдет достойное место в исследованиях современных историков. И государство вспомнит, что статус великой мировой лесной державы России обязывает заботиться о своих лесах и вести в них эффективное, экономически рентабельное, экологически безопасное лесное хозяйство, базируясь в том числе и на богатейшем

историческом опыте XX столетия, в том числе и периода 1920-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Истомина Э.Г.* Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII - начало XX в.). М.: Квадрига, 2019. С. 5.
- ² См., например: *Гусев Н.Н.* История лесостроительства Российского. М.: Центрлеспроект, 1998; Двухсотлетие учреждения лесного департамента. 1798-1998 / Сост. А.П. Белаенко. Т. 2 (1898-1998). М.: ВНИИЦЛесресурс, 1998; *Денискин Е.И.* Лесное хозяйство Мордовии в 1920-1950-е гг. XX в. Дисс. ... канд. ист. наук / Пензенский гос. пед. ун-т. Пенза, 2007; *Колданов В.Я.* Очерки истории советского лесного хозяйства. М.: Экология, 1992; Лесное хозяйство и лесные ресурсы Республики Коми / Под ред. Г.М. Козубова, А.И. Таскаева. М.: Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000; *Писаренко А.И., Страхов В.В.* Лесное хозяйство России: от пользования к управлению. М.: «Юриспруденция», 2004; *Редько Г.И., Редько Н.Г.* История лесного хозяйства России. М.: МГУЛ, 2002; *Тихонов П.Т.* Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2001; *Юричев Е.Н.* Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области: моногр. / Е.Н. Юричев, Н.Н. Неволин, И.В. Евдокимов. Вологда: ВГМХА, 2011.
- ³ *Анцелович Н.* Работники леса и союз // Лесовод. 1924. № 1. С. 4-5.
- ⁴ *Кедер А.* К вопросу о материально-бытовых условиях работников леса // Лесовод. 1925. № 9. С. 17.
- ⁵ *Кедер А.* К вопросу о материально-бытовых условиях работников леса // Лесовод. 1925. № 10. С. 22.
- ⁶ *Фадеев.* Быт лесной стражи улучшается // Пролетарский путь. 1925. 1 августа.
- ⁷ Рынок и цены Ульяновской губернии за 1925-26 год. Ульяновск, 1927. С. 46-51.
- ⁸ Жизнь батраков, пастухов и лесной стражи // Красная Татария. 1924. 22 октября.
- ⁹ Наша деревня. Насчет лесов. Решили купить рубашку // Пролетарский путь. 1924. 22 февраля.
- ¹⁰ Дела лесные. Загляните к лесникам // Пролетарский путь. 1924. 24 июня.
- ¹¹ Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области (далее – ГБУСО ЦГАСО). Ф. Р. 749. Оп. 1. Д. 22. Л. 5об.-6.
- ¹² Овод. Трудовой день // Лесовод. 1925. № 2. С. 54-57.
- ¹³ Овод. Сплошная ночь, или утонувший в чер-

- нильнице лесничий // Лесовод. 1926. № 1. С. 78.
- ¹⁴ Ключарев Н.Н. Бюджет рабочего времени лесничего и его последствия // Лесовод. 1926. № 9. С. 7, 9.
- ¹⁵ Из печати // Лесопромышленное дело. 1925. № 9. С. 40.
- ¹⁶ Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив экономики» (далее – ФКУ РГАЭ). Ф. 7667. Оп. 1. Д. 117. Л. 131.
- ¹⁷ Резолюция по докладам тов. Веловича «Быт, условия труда и общественно-производственная работа лесных специалистов» и тов. Кеде-ра «Участие лесной секции в бюджетно-штатной работе» // Лесовод. 1926. № 7. С. 70.
- ¹⁸ Ключарев Н.Н. Бюджет рабочего времени лесничего и его последствия // Лесовод. 1926. № 9. С. 9.
- ¹⁹ Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Пензенской области» (далее – ГБУ ГАПО). Ф. Р. 288. Оп. 1. Д. 300. Л. 130 об.
- ²⁰ Государственное казенное архивное учреждение «Центральный государственный архив Республики Мордовия» (далее – ГКАУ «ЦГА Республики Мордовия»). Ф. Р. 149. Оп. 1. Д. 471. Л. 3.
- ²¹ Ключарев Н.Н. Бюджет рабочего времени лесничего и его последствия // Лесовод. 1926. № 9. С. 9.
- ²² Резолюция по докладам тов. Веловича «Быт, условия труда и общественно-производственная работа лесных специалистов» и тов. Кеде-ра «Участие лесной секции в бюджетно-штатной работе» // Лесовод. 1926. № 7. С. 70.
- ²³ Овсянников В. О казенной лесной страже // Лесной журнал. 1916. Вып. 7-8. С. 876-877.
- ²⁴ ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р. 644. Оп. 1. Д. 402. Л. 26.
- ²⁵ ФКУ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 9. Д. 1567. Л. 130б.
- ²⁶ ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р. 81. Оп. 1. Д. 563. Л. 20.
- ²⁷ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 288. Оп. 1. Д. 117. Л. 28.
- ²⁸ Тарсанов А. Вспомните о тружениках леса // Пролетарский путь. Симбирск. 1923. 17 ноября.
- ²⁹ Лесной съезд // Трудовая правда. 1923. 31 января.
- ³⁰ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 288. Оп. 1. Д. 158. Л. 444об.
- ³¹ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 288. Оп. 1. Д. 207. Л. 95об.
- ³² ГБУ ГАПО. Ф. Р. 309. Оп. 1. Д. 3875. Л. 219.
- ³³ Кеде-р А. К вопросу о материально-бытовых условиях работников леса // Лесовод. 1925. № 10. С. 24.
- ³⁴ ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р. 3547. Оп. 1. Д. 41. Л. 311 об.
- ³⁵ Кеде-р А. К вопросу о материально-бытовых условиях работников леса // Лесовод. 1925. № 10. С. 23, 24.
- ³⁶ ФКУ РГАЭ. Ф. 7667. Оп. 1. Д. 117. Л. 129-129об.
- ³⁷ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 288. Оп. 1. Д. 300. Л. 131.
- ³⁸ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р. 1255. Оп. 1. Д. 207. Л. 89.
- ³⁹ ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р. 3550. Оп. 1. Д. 18. Л. 18.
- ⁴⁰ Областное государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Ульяновской области» (ОГБУ ГАУО). Ф. Р. 337. Оп. 1. Д. 98. Л. 122.
- ⁴¹ Морозов И. Вернитесь к лесу // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1927. № 7. С. 46.
- ⁴² ГБУСО ЦГАСО. Ф. Р. 3547. Оп. 1. Д. 41. Л. 312.
- ⁴³ Лесистость Пензенской губернии в 1868 г. составляла 35%, в 1914 г. – 16,3%; Самарской – 12% и 7,5% соответственно, Казанской – 40,4% и 29,1% // Истомина Э. Г. Леса России: экологическая и социоэкономическая история (XVIII - начало XX в.). М.: Квадрига, 2019. С. 305, 309.
- ⁴⁴ Печаткин В.В. Эволюция лесопользования и лесовосстановления в России: мифы и реальность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 2 (26). С. 168-169.

WORKING AND LIVING CONDITIONS OF FORESTRY WORKERS IN THE MIDDLE VOLGA REGION DURING THE NEW ECONOMIC POLICY (1922-1928)

© 2019 E.V. Voyeikov

Penza Subsidiary of Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the working and living conditions of forestry workers on the example of forestry in Penza, Samara, Ulyanovsk provinces and the Tatar ASSR. The author examines the size of their wages, overabundance of paper reporting, the problem of annual vacation, and housing conditions. The analysis of the purchasing power of the forest guard salary in 1925 reveals significant deterioration in the situation of forestry workers compared to the pre-revolutionary period. Despite the dismissal from the service of significant number of forestry workers, the rest honestly performed their duty, saving and restoring the forests of the Volga region in the 1920s.

Keywords: forest guard, forestry, salary, housing conditions.

Evgeniy Voyeikov, Doctor of History, Associate Professor. Department «Managements, Informatics and All Humanities». E-mail: evgenijvoeikov@yandex.ru